

Т. Б. Агранат (Москва)

Лингвистические данные о ранних предгосударственных образованиях прибалтийско-финских племен

На территории современной Российской Федерации проживают прибалтийско-финские народы, которые, как известно, никогда не имели своей государственности. Однако, по свидетельству исторических и археологических источников, предки этих народов имели ранние предгосударственные образования.

“Еще накануне образования государства восточных славян в лесной зоне Восточной Европы летописью зафиксирована крупная “предгосударственная” конфедерация северных славянских (кривичи, словене) и финно-угорских (чудь, весь, меря) племен” [Кирпичников, Рябинин 1990: 104].

Но не только в составе догосударственной конфедерации прибалтийско-финские племена имели свой общественный уклад, позже, входя в состав Новгородских земель, они сохраняли собственное социальное устройство.

“Отношения финнов со славянами и русскими в период раннего средневековья представлял своеобразный исторический феномен. В условиях формирования “империи Рюриковичей”, с ее еще не укрепившимися межобластными связями и сохранившимися пережитками родового строя, чудские объединения лишь номинально входили в политико-административную систему государства. Зависимость ряда финских племен выражалась в виде выплаты дани и воинской службы. Обитавшие на северо-западе и севере Новгородской земли финские племена и группировки, длительное время сохраняли полную политическую и территориальную автономию, обусловившую сохранение местных обычаев, нравов и верований. Русские крепости, войска, администрация (например, в Финляндии, в землях води, ижоры, большей части Карелии и Эстонии) отсутствовали. Установилась свобода торговли, веротерпимость, “расовое” равноправие, выполнение союзнических обязательств. На территории некоторых северно-русских городов существовали чудские кварталы. Самостоятельность финских племен сохранялась и позже. Характерно, что в XII–XIV вв., когда водь и корела территориально входила в со-

став Новгорода, у финских племен имелись свои городки и укрепленные убежища” [Кирпичников, Рябинин 1990: 105]. (Ср., например, крепость в Копорье.)

Автономия прибалтийско-финских племен отразилась и в средневековой материальной культуре.

“В культуре предков води выделяется и серия специфических элементов металлического убора, не известных на других территориях и явно связанных с локальными (племенными) традициями.

Славяно-русское влияние на культуру местного населения и его этнографический облик оставалось незначительным даже в эпоху позднего средневековья. Последний факт представляется особенно интересным, если учесть, что письменные источники XV–XVI вв. свидетельствуют об активном вовлечении жителей погостов “в чуди” в систему социально-экономических связей Новгородской земли” [Рябинин 1987: 77].

(Летописная чужь отождествляется многими авторами с предками современной води, см., напр.: [Рябинин 1991]).

Относительная независимость и собственный социальный уклад предков прибалтийско-финских народов должны были оставить свой след и в языке, а именно в его словарном составе.

“В области лексики установление связей языка с историей народа представляет уже значительно меньше трудностей, поскольку здесь можно найти очень много возможностей прямых и реальных соотношений явлений языка с различными элементами истории общества: в словарном составе языка сохраняются, в большей или меньшей степени, следы всей исторической жизни народа, начиная с древнейших времен до его современного состояния” [Серебренников 1953: 38].

(Интересен опыт изучения вепсской лексики как источника истории народа, см.: [Богданов 1954]).

Для исследования лингвистических данных об общественном устройстве прибалтийско-финских племен целесообразным представляется обращение к лексике водского языка. Причина – удивительная сохранность водского языка на всех уровнях (в отличие, например, от вепсского), которая отмечается всеми его исследователями (см.: [Аристэ 1967]). Этот феномен также был замечен автором настоящей работы в ходе экспедиций, проведенных в ареале распространения западноводского диалекта.

Изучаться нами будут культурные термины, которые, несмотря на хорошую общую сохранность водской лексики, тем не менее, во всех языках легко заимствуются и поэтому исчезают первыми (см.: [Сводеш 1960]).

Источником исследования послужил словарь говора водской деревни Краколье [Tsvetkov 1995].

Выделяются две группы терминов:

1) военные: *antti-méz* 'рекрут', *api-vä'tsi* 'вспомогательное войско', *api-voisk* 'вспомогательное войско', *arvottéma* 'загадывать, угадывать, вооружить', *grudi* 'порох', *grudi-sarvi* 'пороховница', *lippu* 'флаг', *lippu-riukku* 'знаменное древко, флагшток', *mék* 'сабля, меч', *méka tuppi* 'ножны сабли', *poloni* 'плен', *püssü* 'ружье', *rattsez-méz* 'всадник', *sea-laiv* 'войско', *sea-vä'tsi* 'войско', *seta* 'война', *seta-méz* 'солдат';

2) общественного устройства: *ammetnikk* 'служащий, делец', *ammetelin* 'должностной', *ammeti méz* 'ремесленник', *ammetti* 'занятие, должность', *apilain* 'сотрудник', *arp* 'жребий, полоса сенокоса из единицы = 7 ревизским душам', *eläje* 'гражданин, житель', *elänikke* 'жилец, житель', *kuja* 'улица', *kunt* 'округ, приход, территория', *l'idn'e'lain* 'горожанин', *l'idna méz* 'городской, горожанин', *pä-leikkaje* 'палач, убийца', *pä-méz* 'главарь, вождь, представитель', *rikku* 'государство', *sark* 'полоса на 7 ревизских душ', *sark-vell*, *sark-vel'l'esed* 'соседи, имеющие свои полосы в земельной единице = 7 ревизским душам', *teko* 'барщина', *teko-méz* 'отбывающий барщину', *téniméz* 'слуга, работник', *ténimä* 'служить', *tširottu* 'проклятый, раб', *turu* 'рынок, площадь, базар'.

Как можно судить по первой группе терминов, это было довольно воинственное предгосударственное образование. Вторая группа дает некоторое представление об относительно развитом социальном устройстве. Важно, что различаются *eläje* 'гражданин, житель' и *elänikke* 'жилец, житель'; последнее, безусловно, не имеет отношения к терминологии общественного устройства. Интересно, что вся представленная в словаре лексика со значением воровства и суда заимствована из русского языка.

Не будем в данной работе проводить этимологический анализ, который помог бы датировать термины. Некоторые из этих слов представляют собой древние заимствования, как, например, *poloni* 'плен', отражающее восточнославянское полногласие. Некоторые слова употребляются параллельно с поздними русскими заимствованиями с тем же значением: *antti-méz* 'рекрут' и *nekrutti* 'рекрут'; в случае *api-vä'tsi* 'вспомогательное войско' и *api-voisk*

'вспомогательное войско' первое слово целиком исконное, а во втором – заимствован один из корней.

Настоящий этап – только начало работы над сохранившейся культурной лексикой, дальнейшие изыскания в данной области, очевидно, прольют больше света на социальные отношения древних прибалтийско-финских племен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристэ П. А. Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков // Проблемы языкознания (доклады на X МКЛ). М., 1967. С. 115–119.

Богданов Н. И. Лексика как источник истории народа // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Вып. 1. Петрозаводск, 1954.

Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Прибалтийско-финские племена в составе древнерусского государства // Финны в Европе VI–XV века. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1990. С. 101–120.

Рябинин Е. А. "Чудь" северо-западных окраин Новгородской земли (к этнической истории водской народности) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов, 1987. Т. 2. С. 75–77.

Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси, автореферат дисс. на соискание уч. степ. доктора исторических наук, Л., 1991.

Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 53–87.

Серебрянников Б. А. К проблеме связи явлений языка с историей общества // ВЯ. 1953. № 1.

Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän muurten sanasto. Helsinki, 1995 (Suomalais-Ugrilainen Seura. VIII).